

Собеседник стихий

Марина Цветаева написала: “Мой Пушкин”. Это звучало почти как вызов: Пушкин - для всех, Пушкин - для каждого, Пушкин - на все времена, “доколь в подлунном мире Жив будет хоть один пиит”, и вдруг - мой? Потребовалось время, чтобы понять: за цветаевским названием не жест присвоения, а жест дарения... Почти век миновал с тех пор, и сегодня мы говорим: “Мой Тютчев”. Этот сложнейший и тончайший лирик XIX века (“позавчерашнего столетья”), казавшийся когда-то элитарным и даже причисленный некоторыми к сторонникам “чистого искусства”, в исторической перспективе все более и более ощущается нами как наш современник, как наш собеседник.

Постижение великого поэта - путь настолько сложный и многомерный, что вполне может быть сопоставлено с процессом самого творчества. Гете сказал, что невозможно по-настоящему войти в мир художника, не побывав на его родине. Что - родина Тютчева? Небольшое имение Овстуг Брянского уезда Орловской губернии? Вся Россия, ее история, ее культура, ее поэзия? Вся Европа - с ее философскими прозрениями и научными открытиями, борьбой мнений и “гордым” индивидуализмом, кипением личных страстей и буржуазными революциями, великими утопиями и не менее великими крушениями этих утопий? Быть может, и так: не случайно же в нескольких стихотворениях Тютчев назовет этот мир “родимым краем”. А может быть, родина его - вся Вселенная, и именно там, “в чуждом, неразгаданном, ночном”, тютчевский человек различает “наследье родовое”?

И все-таки в начале всего - Овстуг, где впервые открылись звездное небо, лицо человека и музыка родной речи.

Масштаб поэта во многом определяется масштабом противоречий, воплощенных в его творчестве. Тютчев на редкость противоречив. Будучи огромным мастером языка (его чувство языка в свое время поразило Льва Толстого), он с недоверием относился к любой “изреченной мысли” и считал ее ложью. В стихотворении “Silentium!” призывал к сосредоточенному одиночеству: “Лишь жить в себе самом умей - Есть целый мир в душе твоей Таинственно-волшебных дум...”, и одновременно боялся одиночества и мучительно, неустанно искал собеседника. Еще в молодости сказал: “Нужно преклониться перед безумием Креста или все отрицать”, а потом, на протяжении всей жизни, метался между верой и безверием, между “и нет в творении Творца, И смысла нет в мольбе” и “Душа готова, как Мария, к ногам Христа навек прильнуть”. Он, вобравший в себя, впусивший в себя современную ему мировую культуру, необычайно остро чувствовал стихийную основу всякой жизни - природной и исторической, частной и социальной, был собеседником стихий: ночного ветра и весенних вод, волнующегося моря и грозового неба.

Стихи больше поэта. Стихи таинственнее поэта. Стихи старше поэта, по крайней мере на те тысячелетия, на которые язык старше каждого из нас. Но в чем-то самом главном они, стихи, удивительно просты. Поэзия Тютчева - при всем его уникальном, аристократическом интеллектуализме - отнюдь не требует каких-то особых знаний и навыков от читателя, не требует дешифровки. Для ее постижения нужно не только (и не столько!) разбираться в тонкостях шеллинговского учения о тождестве или кантовских интерпретаций разума, но и чувствовать корневую связь с божественным безмолвием ночного мира и ощущать “долготерпение” родного края.

Есть путь поэта. Но есть и путь к поэту. И этот путь немислим без углубления в свой внутренний мир, без опоры на свой - неповторимый - духовный опыт. При подлинном приближении к миру большого художника в его единственности, как в зеркале, отражается и единственность читателя-собеседника. Каков мой путь к постижению Тютчева? Этот путь включает в себя и младенческий опыт общения с шумящим кустом цветущей майской сирени (“синели”, как сказал бы, наверное, сам Тютчев), и светоносную память о первой любви, и сиротски-иконописные лица деревенских детей, которых довелось учить после окончания Брянского литфака, и крохотный зал Клинцовской районной библиотеки, где просиживал часами, работая над статьей о теме Времени в тютчевской лирике и имея в своем распоряжении семь, большего не было в библиотечном фонде, книг о поэте. Мой путь к Тютчеву - это и долгие разговоры с отцом, филологом и поэтом Божьей милостью, и взыскательные реплики Льва Адольфовича Озерова, прожившего с тютчевской строкой многие десятки лет... Я стремился понять Тютчева, читая Ахматову и Пастернака, Блока и Заболоцкого.

Тютчев - один из наиболее важных мостов, связывающих разные берега, разные эпохи в русской литературе. Как сам он впитал опыт Ломоносова и Державина, Жуковского и Пушкина, так и многие его строки отозвались в творчестве писателей-современников и потомков. Имею в виду не только поэтов, среди которых в первую очередь должны быть упомянуты поздний Фет и Полонский. Десятки страниц русской прозы - Тургенева и Толстого, Гончарова и Герцена, по моему глубокому убеждению, обязаны своим появлением именно тютчевской лирике. Да и только ли лирике? Этот, казалось бы, очевидный вопрос не столь элементарен. Как-то наткнулся у Алексея Прасолова, поэта тютчевской школы: “У Тютчева нет эпоса? Как бы не так.” Стихи Тютчева аукаются, окликают друг друга через десятки лет и страниц, выстраиваются в ряды, в циклы. И в каждом из них - свой неочевидный “сюжет”, в каждом - поведана некая история о судьбе Личности: в “ночном” - о ее взаимоотношениях с бездной и хаосом, в цикле о “русском космосе” - о ее связях с родной землей и историческим процессом, в “денисьевском” - о ее любви и смерти.

Есть в русском языке приставка “со”, приставка-пароль, сигнал о поисках *другого* (“другому как понять тебя?”): соратник, соратник,

собеседник, современник; и еще: сострадание, согласие, совесть... У Тютчева - сочувствие:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

В этих четырех строках, как ни странно на первый взгляд, внятно звучит мотив пушкинского "Памятника":

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...

Именно - тропа (не дорога, не магистраль). Это представляется мне чрезвычайно важным: тропа помнит и след босой мальчишеской пятки, и неровный отпечаток, оставленный стариковской палкой... Она, тропа, всегда естественно демократична и прокладывается не по чьей-то воле. Тропа к поэту проходит через души его современников и потомков. Потомков, ставших современниками...